
РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

УДК 210

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ РЕЛИГИИ (ПРАВОСЛАВИЯ) В СЕРБИИ: ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ МИФ?

М. БЛАГОЕВИЧ*Институт философии
и общественной теории,
Белград (Сербия)**e-mail:
Ved2_Sociology@bsu.edu.ru*

Данная работа состоит из двух частей. В первой части автор рассматривает два теоретических подхода к интерпретации возвращения и ревитализации религии в Сербии. Первый подход касается религии как общественного института и подразумевает логику взаимного поддержания религиозных и нерелигиозных факторов, второй подход предполагает логику самостоятельного, внутреннего религиозного возрождения, вытекающего из самой сути религии и церкви как Божьего института и индивидуальной духовной потребности верующих в набожности (терминальная вера). Во второй части автор излагает две различные интерпретации эмпирических данных, относящихся к последним тридцати годам и касающихся связанности людей с религией и церковью в Сербии.

Ключевые слова: ревитализация религии и церкви, конвенциональная религиозность, сербское православие, традиционная религиозность, актуальная религиозность.

Анализируя современную религиозную ситуацию в Европе, Грейс Дейви (Grace Davie), британский социолог религии с мировым именем, высказывает констатацию относительной индифферентности граждан Европы в отношении *серьезного принятия* религии, выделяя жителей Балкан как исключение из указанного правила¹. На территории Балкан в результате переплетения вопросов коллективной идентичности с множеством других социальных и территориальных факторов религия «проснулась» или же вновь «вернулась», чтобы вершить дела, во многом выходящие за строгие рамки религиозной компетенции, которую, в конечном счете, можно определить как спасение верующих. Несмотря на то, что церкви на этом пространстве в последние двадцать лет несомненно занимались своей основной задачей, когда мы сегодня констатируем определенные религиозные изменения по сравнению с периодом двадцатилетней или тридцатилетней давности, складывается впечатление, что указанные изменения гораздо больше связаны с отдельными социальными и политическими факторами, чем с эсхатологическими. В этом смысле рамки окружающей общественной среды никак нельзя оставить без внимания при анализе религиозных изменений, которые произошли после краха

¹ Дейви Г. „Европа: изузетак који доказује правило?“ / у Питер Л. Бергер (приредио) Десекуларизација света – препород религије и светска политика, Meditteran Publishing – Нови Сад, 2008. – С.100.

коммунизма и распада югославского социалистического государства. Эта общественная обстановка сначала падением Берлинской стены и распадом Советского Союза предвещала религиозные изменения в направлении все большего проявления свободы вероисповедания и создания религиозного плюрализма, а вскоре привела на территории бывшей социалистической Югославии к исключительно кризисной и в итоге – военной ситуации. Последняя сильно повлияла на быструю ревитализацию общественной роли традиционных религий и церквей, в первую очередь, в качестве инструмента конфессиональной гомогенизации, мобилизации и протекции национальных и религиозных объединений на указанном пространстве. Если вплоть до конца восьмидесятых годов прошлого века религиозное пространство православия в своей атеизированности и секуляризованности представляло собой исключение по сравнению с другими конфессиональными пространствами социалистической Югославии, то в конце восьмидесятых годов по своей общественной значимости оно было абсолютно равноправно с другими конфессиональными пространствами, в первую очередь с исламским и католическим. Все эти религиозные проявления и их институционализованные религиозные организации, неожиданно и первоначально не своими заслугами, были настолько утверждены и ангажированы в общественном смысле, что казалось, что они в короткий срок компенсируют свою общественную обиденность и стигматизацию, длившиеся десятилетиями.

В научных и в широких общественных кругах начали совершенно открыто говорить о процессе *десекуляризованности* сербского постюгославского общества и сообщать статистические и эмпирические данные, которые с меньшим или большим успехом этот тезис подкрепляли²³. После окончания войн на территории бывшей югославской Федерации, в середине, а также в конце девяностых годов прошлого века, эмпирические социологические исследования в Сербии показали, что восстановленная традиционная религиозность не исчезла, как можно было ожидать с учетом источников ее возрождения, а наоборот, религиозная ситуация определенным образом стабилизировалась⁴. Эта стабилизация подразумевала высокую конфессиональную и религиозную самоидентификацию населения, т.е. респондентов, высокий процент веры в основную догму христианства – в Бога, выраженное активное участие в отдельных традиционных религиозных обрядах православия (отпевание, празднование церковных праздников, крещение, венчание), большое доверие к СПЦ и очевидные религиозные изменения в объеме и интенсивности некоторых актуальных религиозных поступков (таких как посещение церкви, посещение литургии, молитва и пост), если данные, касающиеся этих обрядов, сравнить с данными начала восьмидесятых годов прошлого века. Ко всему этому следует добавить и все большую общественную роль и связи с государством, которые православие и СПЦ имели, особенно после 2000 года, в социально-политическом пространстве сербского общества, так что в середине нынешнего десятилетия начали даже говорить о присутствии отчетливых элементов клерикализации сербского общества⁵, а отдельные авторы без дилеммы определили транзитное сербское общество как «горизонтально» клерикализованное⁶⁷.

Два подхода к ревитализации религии и религиозности

Существуют два теоретических подхода к толкованию возвращения и ревитализации религии в Сербии. Первый подход касается религии как общественного учреждения и подразумевает логику взаимного подкрепления религиозных и нерелиги-

² Благојевић М. Приближавање православљу, ЈУНИР, Градина, Ниш. 1995.

³ Кубурић З. Религија, породица, млади, Теолошки институт, Београд. 1996.

⁴ Радисављевић-Типаризовић Д. „Религија и свакодневни живот: везаност људи за религију и цркву у Србији крајем деведесетих“ у (колектив аутора) Србија на крају миленијума, Институт за социолошка истраживања Филозофског факултета у Београду, Београд. 2002.

⁵ Vukomanović M. „Zajedno na oltaru i na tronu“, inervju Omera Karabega sa univerzitetskim profesorima i sociolozima religije Srđanom Vrcanom iz Splita i Milanom Vukomanovićem iz Beograda na radiju „Slobodna Evropa“, Zarez, broj 139., Zagreb. 2004.

⁶ Ђорђевић М. „Искушења клерикализације“, Република, Београд. 2005. – бр. 352–353.

⁷ Ђорђевић М. „Секуларизам и клерикализам“, Република, Београд. 2005. – бр. 370–371.

озных факторов, а второй подход подразумевает логику самостоятельного, внутреннего религиозного возрождения, вытекающего из самой сути религии и церкви как Божьего института и индивидуальной духовной потребности верующих в набожности, что можно назвать терминальной верой⁸. Среди специалистов достигнут консенсус, что первый подход настолько ясен широкой общественности, что его точность не вызывает сомнений. Речь идет о таком подходе к толкованию ревитализации, которым она выявляется и аргументируется на основании факта о религиях и церквях как общественных учреждениях и посредством определенных общественных функций, которые религии и церкви выполняют в последние двадцать лет в жизни людей и в обществе в целом. Этот подход хорошо описал Иван Цвиткович, социолог религии из БиГ, называя его *возвращением религий* (в общественную, политическую и образовательную сферы на территории бывшей Югославии, в Хорватии, Сербии и БиГ). Указанный процесс, по его словам, был значительно сильнее, чем процесс *возвращения* (людей) *к религиям*, и таким образом повлиял на, возможно, преждевременно сформулированную в социологии теорию о возвращении к религиям. Даже если возвращение религии является реальностью в этих обществах, вопрос мотивов, которыми люди руководствовались при этом, выходит на первый план: имели ли эти мотивы в первую очередь религиозный характер, или же это было только желание «продвинуться» в социальном смысле через религию и церковь, ставшие сейчас положительно желаемыми культурными образцами⁹. К сожалению, систематических и репрезентативных эмпирических исследований на эту тему в отечественной науке не было, но подобное исследование должно исходить из предпосылки, что мотивы населения в возвращении к религиям и церквям не были ни одинаковыми, ни неизменными. Следует также исходить из предпосылки, что массовая религиозность несомненно связана в первую очередь с так наз. *культурной религиозностью*¹⁰, которая подразумевает конфессиональность и религиозную самодекларативность, и что в этом контексте церковная религиозность и набожность все-таки характерны для меньшинства в этих обществах. Когда мы говорим о ревитализации религии и религиозности в Сербии с конца восьмидесятых годов прошлого века до сегодняшнего дня, то видим характер этой религии и этой религиозности и на территории Балкан в целом в первую очередь в категории коллективной религиозности внутри веками существующих исторических вероисповеданий, а не в категории дезинституционализации и индивидуальной религиозности, в центре которых находится индивид и его внутренние религиозные потребности, которые могут быть удовлетворены личным выбором и решением на свободном и богатом рынке религиозных идей и практик. Поэтому правы те авторы, которые основу процесса ревитализации религии в девяностых годах прошлого века на территории бывшей Югославии рассматривали в атрибутах ретрадиционализации, ретотализации, реколлективизации и своеобразного нового духовного укоренения¹¹. На основании контекста главных характеристик описанного процесса отдельные авторы считают, что такое возрождение должно называться не обращением к вере и эсхатологическим изменением образа мыслей, а просто всеприемлемой религиозностью, которая присутствует и в обществе, и в политике^{12 13}.

Разрешение указанной дилеммы возвращения религии или возвращения к религии, безусловно, важно для точного выявления происходящих у нас религиозных изменений. Тем не менее, эти дилеммы не являются препятствием для вывода о том, что

⁸ Лебедев С. „Религиозность: в поисках 'рубикона'“, Социологический журнал, 2005. № 4. – С. 153–168.

⁹ Cvitković I. „Has the 'Return' or Religions Occurred or 'Return' to the Religion?“, in Danijela Gavrilović (edited) *Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches, YSSS Anuual – YearXVI, Nis. 2009.* – С. 15–23

¹⁰ Филатов С.Б., Лункин Р.Н. „Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность“, Социологические исследования, 2005. № 4. – С. 35–45

¹¹ Vrcan S. „Novi izazovi za suvremenu sociologiju religije (politizacija religije i religizacija politike u postkomunizmu)“, *Revija za sociologiju, Sociološko društvo Hrvatske, Zagreb. 1999 – br. 1–2.*

¹² Jeleč P. „Ničija zemlja“, u *DANI*, 19. 12. 2008., Sarajevo. 2008

¹³ Велмар – Јанковић С. „Вера ме води и даје ми снагу за рад и живот“ *Православље*, 42 (1006): 8–9, Београд. 2009.

ревитализация религии в различном объеме и интенсивности происходила и в одном и в другом планах ее «возрождения»: то, что общественно-политическая окраска в этом процессе является доминантной, не означает, что собственно религиозного возрождения вообще не было. Оно, конечно же, происходило и происходит, но не является массовым явлением¹⁴.

Две различные интерпретации эмпирических данных

Недавно мы сделали вывод, что в российском сообществе социологов религии в течение последних лет результаты многочисленных исследований, посвященных религии и религиозности, толковались диаметрально противоположным образом¹⁵. Если иметь в виду, что при этом использовались одни и те же эмпирические данные, то при объяснении таких расхождений, кроме различных теоретических предпосылок авторов, не следует забывать и о личных взглядах и ценностях исследователей, касающихся предмета изучения. Короче говоря, первая группа упомянутых исследователей делает вывод, что в России нет никакого возрождения религиозности (православия), а на деле присутствует формальная религиозность, характеризующаяся идейной аморфностью, эклектичным сознанием, которое или не является строго определенным в конфессиональном смысле, как в начале девяностых, или, как сегодня, имея конфессиональную направленность, тем не менее является недогматическим, открытым, неструктурированным, как определенный вид духовной энтропии. В пользу этого авторы из этой группы исследователей приводят и тот факт, что по конвенциональному религиозному поведению в виде регулярного посещения церкви Россия занимает одно из самых последних мест в Европе¹⁶¹⁷¹⁸¹⁹. Вторая группа исследователей использует те же или аналогичные научные данные, но на их основании проходит к совершенно иным выводам. В России с девяностых годов прошлого века идет ревитализация православия и аффирмация его общественной роли в целом, и это процесс, который в общем не вызывает сомнений. Эта ревитализация наблюдается не только в самоидентификации российского населения с православием и РПЦ, но несомненна и когда речь идет о догматических верованиях, а также церковно-обрядовой практике и религиозной солидарности, имеющих только различную степень и интенсивность. Русский народ пошел по пути православного воцерковления, а то, что этот путь извилистый, длинный и часто неизвестный, это совсем другой вопрос²⁰²¹²²²³²⁴).

И в сербской социологии с определенным опозданием по сравнению с указанным примером появляются не столь противоположные, как в России, но отчасти несовпадающие толкования тех же научных эмпирических данных о связанности людей с религией и

¹⁴ Лебедев С. „Религиозный ренессанс“ как социальная реальность: к демифологизации понятия“, Социологический журнал, 2007. № 2. – С. 24–36

¹⁵ Благојевић М. „О социолошким критеријумима религиозности. Колико има православних верника данас?“, Филозофија и друштво, број 1., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд, 2009.

¹⁶ Фурман Д.Е., Каарийнен К. Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века, Москва РАН, Институт Европы, Издательство ОГНИ ТД, 2006.

¹⁷ Филатов С.Б., Лункин Р.Н. „Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность“, Социологические исследования, 2005. № 4. – С. 35–45.

¹⁸ Воронцов Б. «Возрождение религиозности или дехристианизация», Новая Газета, № 27 от 17 апреля, 2008.

¹⁹ Митрохин Н. «Социология 'бескорыстных мечтателей', или Как все-таки считать количество православных», Неприкосновенный запас, 2007 № 1. (51).

²⁰ Чеснокова В.Ф. «Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века», Москва: Академический проект, 2005.

²¹ Синелина Ю.Ю. «О критериях определения религиозности населения», Социологические исследования, 2001 № 7. – С. 89–96.

²² Синелина Ю.Ю. «Процесс воцерковления населения России в конце XX в», Православное информационное агентство, Русская линия, Радонеж, 2005.

²³ Пейкова З. И. «Апостасия как фактор дестабилизации общества», Социологические исследования, 2001. № 4.

²⁴ Налетова И.Н. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности, Социологические исследования, 1999. № 5. – С. 130–136.

церковью в Сербии. Анализ этих результатов, в конечном счете, приводит к различным общим выводам о масштабах и самом процессе ревитализации или ренессанса религии и религиозности. При этом следует уточнить, что эти сведения относятся к стандартным индикаторам в исследовании религиозности людей приблизительно за последние тридцать лет. Одно из толкований этих результатов недавно представил Драгољуб Б. Джорджевич, социолог религии из Ниша, пионер социологического эмпирического изучения православной религиозности в восьмидесятые годы прошлого века²⁵. До того, как Джорджевич высказал свое мнение, несколько иначе их интерпретировал автор данной статьи^{26,27}.

Джорджевич объясняет религиозность сербов, опираясь на релевантные эмпирические данные отечественной социологии религии с начала восьмидесятых годов прошлого века до сегодняшнего дня, которые могут быть сведены к нескольким основным пунктам.

1. За минувшие двадцать пять лет не произошло коренных изменений в религиозном самодекларировании и признании конфессиональной принадлежности. Речь идет о *континуитете*, а проценты респондентов, которые изъявляют, используя те или иные конфессиональные термины, и считают себя религиозными (слабый индикатор религиозности), *стабилизировались* и, по его мнению, можно предположить, что в будущем они будут колебаться от 60 до 80%, когда речь идет о личной религиозной идентификации и от 80 до 90% – в случае изъяснения о конфессии. За этими данными скрывается тот факт, что по сравнению с восьмидесятыми и девяностыми годами прошлого века у нас, а также по сравнению с остатком в Европе существенно снизилась доля атеистов среди населения (по некоторым сведениям их насчитывается не более 3%);

2. Вера в Бога, как наиболее общее выражение чьей-либо религиозности и наиболее часто используемый индикатор религиозности населения, *распространена* среди сербов и многократно *возросла* по сравнению с периодом двадцатипятилетней давности, но если принять во внимание и другие показатели религиозного сознания населения, как например вера в загробную жизнь, рай и ад или Иисуса Христа как Сына Божьего, то ситуация является амбивалентной. Поэтому Джорджевич считает, что у сербов, по существу, происходит *«разрушение религиозного сознания: они не верят в главные составные части учения православного христианства, прибегают только к конфессиональной идентификации, религиозны декларативно и верят в Бога вообще. У сербов еще не произошло 'эсхатологического изменения образа мыслей' и неизвестно произойдет ли оно и когда именно!?»*;

3. Однако, если православные сербы слабы в религиозных знаниях и последовательном вероисповедании, являются ли они «сильными» или ревностными в исполнении религиозных обязанностей? Если они не верят консеквентно в главные догмы своей религии, принадлежат ли они к своей церкви? Анализируя эмпирические данные, автор приходит к весьма печальному выводу с точки зрения регулярного выполнения церковных обрядов: сербы не принадлежат собственной церкви, они далеки от активной религиозной практики. Следовательно, невелик слой воцерковленных верующих, и нельзя говорить, что православные верующие соблюдают требования веры и своего религиозного руководства о правильном религиозном поведении, которые налагают регулярность в выполнении обрядов.

«Сербы переживают, по существу, кризис религиозного поведения и объединения: они не часто переступают порог храмов, не участвуют регулярно в

²⁵ Djordjević D.B. „Religiousness of Serbs at the Beginning of the 21st Century: What is it About?“, in Danijela Gavrilović (edited) Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches, YSSS Annual – Year XVI, Nis. 2009. – С. 57–64

²⁶ Благојевић М. „Религиозна Европа, Русија и Србија: јуче и данас (аргументи емпиријске евиденције: случај Србије)“, Филозофија и друштво, број 3., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд. 2008.

²⁷ Blagojević M „Empirical (Re)evolution of revitalization of Orthodox Christianity“, in Danijela Gavrilović (edited) Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches, YSSS Annual – Year XVI, Nis. 2009a. – С.65-70.

литургии, не соблюдают пост и не молятся. У сербов еще не произошло 'ритуального изменения образа жизни' и неизвестно произойдет ли оно и когда именно!? »;

4. После всех этих заключений автор спрашивает, о какой же тогда религиозности здесь идет речь и о каком преобладающем типе верующих; идет ли речь о действительном обращении к вере и не является ли возвращение к традиционным обычаям и обрядам в православии только первым шагом к возвращению посвященности вере, о котором пишет Светлана Велмар-Янкович? Приводя эмпирические данные об исключительно распространенных традиционных обрядах православия (крещение детей, празднование религиозных праздников, религиозный обряд погребения покойников), автор выявляет ту совокупность показателей, которая лучше всего описывает тип религиозности и тип верующего в отечественном конфессиональном пространстве, где православие является доминантным. По Джорджевичу, сербы всегда были сильны в обрядовой религиозности и традиционной связанности с религией и церковью. «Поэтому, оспаривая утверждения отдельных сербских социологов религии о том, что религиозность сербов чрезмерно возросла, я еще раз подчеркиваю свой тезис о возвращении их традиционной религиозности – 'сербское' православие по сути своей традиционалистическое – и преобладании традиционных верующих. Речь идет о *традиционном, ритуальном типе, который крещен (и крестит своих потомков), венчался в церкви, празднует «Славу»* (возможно Рождество и Пасху, в деревне обязательно и крестный ход) *и будет похоронен с отпеванием.* Такого верующего я называю 'верующим с четырьмя обрядами', и считаю его самым распространенным среди сербов, а выражение Г. Дейви 'believing without belonging' превращаю в формулировку 'традиционная принадлежность без веры'. *Религиозность сербов в начале XXI века характеризуется традиционной принадлежностью без веры».*

Наше объяснение ревитализации религии и религиозности граждан Сербии отчасти совпадает с толкованием Джорджевича, а отчасти отличается от него. В нем в первую очередь выделяется амбивалентность данного процесса, и его также возможно свести к нескольким пунктам.

1. Консенсус относительно значения религии и Бога для жизни людей в современном сербском обществе не так низок, как четверть века назад. Можно свободно сказать, что приблизительно столько же людей, сколько некогда были религиозными (около 10%), сегодня считает, что религия и Бог вообще не важны для жизни людей в современном сербском обществе. Мнение большинства более, чем ясно: 55% – 60% респондентов в Сербии считают, что Бог и религия важны для жизни людей, что при социализме было немыслимо;

2. Что же касается индикаторов так называемой *культурной религиозности* в Сербии в последние тридцать лет, то ситуация неоднозначна. Континуитет существует при конфессиональной идентификации с православием, но не в случае религиозного самодекларирования. Конфессиональная идентификация ранее, также как и сегодня, была исключительно распространенным явлением в сербском обществе и, судя по актуальным показателям, можно сказать, что здесь нет каких-либо существенных сдвигов. Если принимать во внимание идентификацию населения в терминах всех конфессий на территории Сербии, то следует говорить о 95% населения, как показывает Перепись населения 2002 года. По этой переписи 85% населения заявило о своей принадлежности к православному вероисповеданию²⁸. Что же касается религиозной идентификации верующих, то в отличие от этого статистического показателя, можно констатировать заметную *ревитализацию* в смысле декларативного изъяснения респондентов в пользу личной религиозности, т.е. самодекларирования в пользу позиции верующего;

3. Что же касается элементов *религиозного сознания* населения, ситуация амбивалентна: существует общий консенсус относительно веры в Бога, а количественные размеры ревитализации этой стержневой установки христианства приблизительно такие же, как и для религиозного самодекларирования. Тем не менее, другие верования из

²⁸ Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво, вероисповест, матерњи језик и национална или етничка припадност према старости и полу. Подаци по општинама, Републички завод за статистику, мај 2003., Београд. – С. 12.

корпуса догм христианства, хотя и пережили ревитализацию, не возросли так сильно, как личная религиозная идентификация респондентов и вера в Бога. Здесь результаты ревитализации более скромные, но *несомненные*, что доказывает нашу более раннюю констатацию²⁹ о религиозных изменениях во всех измеренных плоскостях связанности с религией и церковью, с тем, что эти изменения имеют различную силу и интенсивность;

4. Ревитализацию *ритуальной практики* православия в Сербии необходимо рассматривать *дифференцировано*. Прежде всего из-за того, что отдельные виды традиционной религиозной практики упорно сопротивлялись светскому, социалистическому общественному окружению и преобладавшей в нем духовной атмосферы. Таким образом, не только выбор православной конфессии, но и акт празднования «Славы» и церковных праздников, крещения детей, венчания в церкви и отпевание были весьма далеки от эродированности в отличие от некоторых других ритуальных действий, регулярность которых сводилась к инцидентным случаям. Конечно же, речь шла о так называемой актуальной религиозной практике, которая касается посещения церкви, особенно литургии, молитвы в церкви и вне ее, соблюдения поста, причащения и других аналогичных обрядовых действий. Следовательно, вывод, который мы сделаем, может показаться на первый взгляд парадоксальным, но только если вещи не рассматриваются с учетом эволюции. Если мы рассматриваем религиозную ситуацию как духовный и общественный процесс, который начался свыше пятидесяти лет назад, то ясно, что ревитализация обрядов традиционного характера сегодня скромнее, чем ревитализация некоторых обрядовых действий, от которых в обществе уже ранее отказались, относящихся к так наз. обязанностям верующих и выражению набожности, таких как посещение церкви, посещение литургии, соблюдение поста и т.д. Можно сказать, что сегодня в Сербии процент людей, которые ходят в церковь (все уровни интенсивности) в три раза больше по сравнению с периодом двадцатипятилетней давности, а так же обстоят дела и с другими обрядами актуального характера, как пример с молитвой, как во время обряда в церкви, так и вне храма. При объяснении такой ревитализации актуальной религиозной практики следует, конечно, иметь в виду и так называемых скрытых верующих, которые при социализме из-за страха чаще всего не осмеливались публично высказывать и документировать свою позицию верующего, которую они сейчас свободно выражают не только вербально, но и религиозным поведением. Хотя объективно трудно установить число таких новообращенных, поскольку в исследованиях мы можем опираться только на субъективные ответы респондентов, такие верующие существуют, но они наверняка не являются большинством среди неофитов.

В соответствии с этим, наше толкование отличается от толкования Джорджевича в том, что при выявлении процесса ревитализации религиозности мы направляем внимание на наиболее слабое звено в составных частях конвенциональной религиозности и на связанность людей с религией и церковью. Там мы находим изменения, которые несомненно далеки от ожидаемого церковью неproblemатичного и последовательного религиозного поведения, но свидетельствуют о несомненном укреплении и «оздоровлении» этого звена. Здесь речь идет о проблеме, которая аналогична проблемам, возникающим при определении религии как феномена, когда произвольно выбираются некоторые аспекты религиозного в качестве ключевых для определения сути или функции религии³⁰. Джорджевич выбирает индикаторы традиционного отношения к религии и церкви, которые показывают, что религиозность такого типа самая распространенная, что в то же время и существо современной православной религиозности. Мы выносим на первый план актуальное *религиозное поведение*, так как именно через него мы и доказываем действительные, но ограниченные и медленные изменения в конвенциональной религиозности населения, поскольку актуальное религиозное поведение и ставилось под сомнение, особенно ранее, благодаря эмпирическим данным о его существенном и заметном разрушении.

²⁹ Благојевић М. Религија и црква у трансформацијама друштва, Институт за филозофију и друштвену теорију, ИП Филип Вишњић, Београд. 2005.

³⁰ Вукмановић М. Homo viator – религија и ново доба, Чигоја штампа, Београд. 2008.

Если иметь в виду этот способ характеристики ревитализации, или возрождения, религии и религиозности, то наш общий вывод не должен вызывать удивления. Новые религиозные изменения в сербском православии до сегодняшнего дня эмпирически учитывались во всех сегментах связанности с православием и СПЦ. Следовательно, в сегменте религиозной идентификации, доктринальной веры и религиозно-обрядового поведения и объединения, хотя объем и интенсивность этих изменений различны в указанных составных элементах так называемой конвенциональной, институционализованной религиозности. В таблице, которая следует ниже, даны сведения, которые относятся к двум периодам и свидетельствуют об общественно-исторической ситуации, касающейся религии и религиозности в сербском обществе. Эти данные позволяют выделить количественные показатели, указывающие на связанность людей с религией и церковью.

Таблица

**Связанность с религией и церковью в Сербии в 2008 году
по сравнению с началом 80-х (округленные проценты)**

Индикаторы/ год исследования	2008 г.	1982 г.	Соотношение 2008–1982 гг.
Православная конфессиональная идентификация	87	87	0
Самодекларированная религиозность	80	24	+56 или в 3,3 раза
Вера в Бога	80	18	+62 или в 4,4 раза
Вера в загробную жизнь	26	5	+21 или в 5,2 раза
Крещение детей	82	59	+23 или в 1,3 раза
Посещение церкви по крайней мере один раз в неделю	7	0,5	+6,5 или в 14 раз
Молитва, каждый или почти каждый день	28	6	+22 или в 4,6 раза

Источники: За 1982 год – исследование религиозности в регионе Ниша, где преобладает православие, проведенное Джорджевичем (Д. Ђорђевић, 1984); за 2008 год *European Values Study, Serbia*

В конце концов, здесь идет речь о том, насколько строгими должны быть критерии при оценке конвенциональной религиозности, а от ответа на этот вопрос зависит и характеристика процесса ревитализации, которая обсуждается. Поскольку Сербия безусловно не является единственным случаем в Европе, то следует обратиться и к религиозной ситуации в соседних странах и в других государствах и посмотреть, насколько ревностно жители тех стран выполняют свои религиозные обязанности и акты набожности. Поскольку мы сделали это в одной из других работ³¹, то здесь мы удовлетворимся только выводом, что религиозность в Сербии, без сомнения, не является больше примером массового бегства людей от религии и церкви. Многочисленные эмпирические исследования в мире показали, что декларированная религиозность самое распространенное явление в католическом религиозно-духовном круге по сравнению со смешанной, протестантской и православной средой. Что же касается Сербии, то эта разница в последние годы существенно уменьшилось, так что религиозная декларация и вера в Бога в Сербии приближаются к ситуации в католических странах (Италия и Португалия) и намного больше не только по сравнению с протестантскими (Дания и Швеция) и в конфессиональном смысле смешанными странами (как например, Великобритания и Голландия), но и по сравнению с православной Россией. Однако, когда речь идет о неизбежном элементе любой институционализованной религиозности, регулярном церковном обрядовом поведении респондентов, т.е. верующих, то различия между католическими странами, смешанными в конфессиональном смысле, протестантскими и православными и сегодня отчетливо видны. В католических странах свыше половины респондентов посещает церковь хотя бы один раз в месяц, в смешанных в конфессиональном смысле государствах – не более одной четверти респондентов, в протестантских странах очень малое число респондентов соблюдает эту религиозную обя-

³¹ Благојевић М. „Религиозна Европа, Русија и Србија: јуче и данас (аргументи емпиријске евиденције: случај Европе)“, Филозофија и друштво, број 1., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд. 2008.

занность, а аналогичной является и ситуация в современной православной России. Ситуация в Сербии лучше по сравнению с приведенными примерами и приближается к ситуации в смешанных в конфессиональном смысле государствах. Структура верующих, сложившаяся в течение девяностых годов прошлого века в Сербии, сохранилась, в области религиозного сознания укрепилась, а в обрядовой области черепашным шагом продвинулась вперед.

В заключение попытаемся ясно и точно ответить на вопрос, заданный в названии этого текста: является ли ревитализация религии и религиозности в Сербии в последние двадцать лет действительностью или мифом? Самым аргументированным был бы ответ: *является и действительностью, и мифом*. Действительность ревитализации заключается, по существу, в ревитализации общественной роли религии и церкви в постсоциалистическом сербском обществе, прежде всего православия и СПЦ. Как мы уже сказали, ситуационный фактор в начале девяностых годов решающим образом повлиял на то, что отдельные функции религии и церкви всплыли на поверхность общественной жизни: в Сербии в начале девяностых годов присутствует прежде всего защитно-объединяющая, гомогенизирующая, этномобилизирующая функция религии, а потом и компенсирующая функция и функция мировоззрения. Не следует забывать и об идеологической функции религии как своеобразного возмещения утраченной идентичности и общепринятых ценностей, тесно связанной с функцией узаконивания новой системы, которую можно назвать и социально-политической функцией православия. Мы говорим о действительности, когда отмечаем, что заметные, но медленные изменения происходят и в самой религиозной сфере, в сфере возросшей церковности по сравнению с периодом тридцатилетней давности. Мифом было бы считать, что описанная ревитализация в то же время сделала людей более духовными в их посвященности Богоисканию, а их ежедневные взаимоотношения обогатила каким-либо новым качеством. Послевоенная общественная реальность на многих территориях бывшей Югославии, массовые социально девиантные явления коррупции, самых разных видов преступности, подросткового насилия в школах и насилия в семье, наркотики и другие болезни зависимости рисуют картину, которая совершенно противоположна ожидаемому поведению верующих, что относится ко всем трем доминантным на указанном пространстве конфессиям. Поэтому религиозное, поистине духовное преобразование всегда связано с индивидуальными усилиями и, следовательно, иллюзорно ожидать, что оно произойдет в релевантном для общества, массовом порядке.

Список литературы

1. Благојевић М. *Приближавање православљу*, ЈУНИР, Градина, Ниш. 1995.
2. Благојевић М. *Религија и црква у трансформацијама друштва*, Институт за филозофију и друштвену теорију, ИП Филип Вишњић, Београд. 2005.
3. Благојевић М. „Религиозна Европа, Русија и Србија: јуче и данас (аргументи емпиријске евиденције: случај Србије)“, *Филозофија и друштво*, број 3., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд. 2008.
4. Благојевић М. „Религиозна Европа, Русија и Србија: јуче и данас (аргументи емпиријске евиденције: случај Европе)“, *Филозофија и друштво*, број 1., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд. 2008.
5. Благојевић М. „О социолошким критеријумима религиозности. Колико има православних верника данас?“, *Филозофија и друштво*, број 1., Институт за филозофију и друштвену теорију, Београд. 2009.
6. Blagojević M. „Empirical (Re)evolution of revitalization of Orthodox Christianity“, in Danijela Gavrilović (edited) *Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches*, YSSS Annual – Year XVI, Nis. 2009a.
7. Велмар – Јанковић С. „Вера ме води и даје ми снагу за рад и живот“ *Православље*, 42 (1006):8–9., Београд. 2009.
8. Воронцов Б. «Возрождение религиозности или дехристианизация», *Новая Газета*, № 27 от 17. апреля, 2008.
9. Vrcan S. „Novi izazovi za suvremenu sociologiju religije (politizacija religije i religizacija politike u postkomunizmu)“, *Revija za sociologiju*, Sociološko društvo Hrvatske, Zagreb. 1999.
10. Vukomanović M. „Zajedno na oltaru i na tronu“, inervju Omera Karabega sa univerzitetskim profesorima i sociolozima religije Srđanom Vrcanom iz Splita i Milanom Vukomanovićem iz Beograda na radiju „Slobodna Evropa“, *Zarez*, broj 139., Zagreb. 2004.

11. Вукомановић М. *Ното виатор – религија и ново доба*, Чигоја штампа, Београд. 2008.
12. Дејви Г. „Евопа: изузетак који доказује правило?“, у Питер Л. Бергер (приредио) *Десекуларизација света – препород религије и светска политика*, Meditteran Publishing, Нови Сад, 2008.
13. Ђорђевић, Драгољуб Б. (1984) *Бег од цркве*, Нота, Књажевац.
14. Djordjević D.B. „Religiousness of Serbs at the Beginning of the 21st Century: What is it About?“, in Danijela Gavrilović (edited) *Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches*, YSSS Annual–Year XVI, Nis. 2009.
15. Ђорђевић М. „Искушења клерикализације“, *Република*, Београд. 2005.
16. Ђорђевић М. „Секуларизам и клерикализам“, *Република*, Београд. 2005.
17. *European Values Study, Serbia 2008*, база података Института за филозофију и друштвену теорију, Београд., тоже и (www.europeanvalues.nl/).
18. Jeleč P. „Ničija zemlja“, у *DANI*, 19. 12. 2008., Sarajevo. 2008.
19. Кубурић З. *Религија, породица, млади*, Теолошки институт, Београд. 1996.
20. Лебедев С. „Религиозност: в поисках 'рубикона'“, *Социологический журнал*, 2005. № 4.
21. Лебедев С. „Религиозный ренессанс“ как социальная реальность: к демифологизации понятия“, *Социологический журнал*, 2007. № 2.
22. Митрохин Н. «Социология 'бескорыстных мечтателей', или Как все-таки считать количество православных», *Неприкосновенный запас*, 2007 № 1. (51).
23. Налетова И.Н. «Новые православные» в России: тип или стереотип религиозности, *Социологические исследования*, 1999. № 5.
24. Пейкова З. И. «Апостасия как фактор дестабилизации общества», *Социологические исследования*, 2001. № 4.
25. *Попис становништва, домаћинства и станова у 2002*. Становништво, вероисповест, матерњи језик и национална или етничка припадност према старости и полу. Подаци по општинама, Републички завод за статистику, мај 2003. Београд.
26. Радисављевић-Ђипаризовић Д. „Религија и свакодневни живот: везаност људи за религију и цркву у Србији крајем деведесетих“ у (колектив аутора) *Србија на крају миленијума*, Институт за социолошка истраживања Филозофског факултета у Београду, Београд. 2002
27. Синелина Ю.Ю. «О критериях определения религиозности населения», *Социологические исследования*, 2001. № 7.
28. Синелина Ю.Ю. «Процесс воцерковления населения России в конце XX в», *Православное информационное агенство, Русская линия*, Радонеж. 2005
29. Филатов С.Б., Лункин Р.Н. „Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность“, *Социологические исследования*, Москва. 2005. № 4.
30. Фурман Д.Е., Каарияйнен К. *Религиозность в России в 90-е годы XX – начале XXI века*, Москва РАН, Институт Европы, Издательство ОГНИ ТД. 2006.
31. Cvitković I. „Has the 'Return' of Religions Occurred or 'Return' to the Religion?“, in Danijela Gavrilović (edited) *Revitalization of Religion (Theoretical and Comparativ Approaches*, YSSS Annual – YearXVI, Nis. 2009.
32. Чеснокова В.Ф. «Тесным путем. Процесс воцерковления населения России в конце XX века», Москва: Академический проект, 2005.

REVITALIZATION OF RELIGION (ORTHODOX) IN SERBIA: REALITY OR A MYTH?

MIRKO BLAGOJEVIC

*Institute of Philosophy
and social Theory, Belgrad
(Serbia)*

*e-mail:
Ved2_Sociology@bsu.edu.ru*

This article has two parts: in the first part the authors discuss two theoretical ways of interpreting revival and revitalization of religion in Serbia. The first way takes religion as a public institution and implies mutual support of religious and non-religious factors, while the other way describes independent, internal religious revival emerging from the very core of religion and church as a divine institution and individual spiritual needs of believers for religiousness (terminal faith). In the second part, the author points to two different interpretations of empirical data on attachment to religion and church in Serbia accumulated in the last thirty years.

Key words: revitalization of religion and church, conventional religiousness, Serbian Orthodoxy, traditional religiousness, current religiousness.